

Иллюстрация Петра Перевезенцева

Александр Речкин

«Я буду писать ЛЖИВО»: фантастика Лукиана Самосатского

Многие критики и историки научной фантастики, пытаясь обнаружить истоки жанра, перелопачивали горы древних свитков и ветхих книг. После продолжительных раскопок в поисках прародителя они иногда наткнулись на сочинения «Правдивая история» и «Икароменипп, или Заоблачный полет» античного писателя Лукиана из Самосаты.

Будущий греческий ритор и писатель Лукиан родился около 125 года в городе Самосате сирийской провинции Римской империи. Это город на западном берегу Евфрата; роман Фейхтвангера «Лже-Нерон» сделал название этого города узнаваемым. Большая часть жизни Лукиана пришлось на золотую эпоху процветания и стабильности в период правления императоров из династии Антонинов: Адриана, Антония Пия и Марка Аврелия (это его позже назвали «философ на троне»). Лукиан много путешествовал и побывал в самых великолепных городах империи — Риме, Антиохии и Афинах. Поездки, общение с философами в центрах эллинистической и римской культуры расширили его кругозор и обогатили жизненный опыт. В молодости Лукиан учился в Ионии (сегодня — западное побережье Турции) и стал профессиональным оратором (ритором). Примерно до сорока лет он зарабатывал на жизнь произнесением речей в судах, а позже, видимо испытывав кризис среднего возраста, взялся за стилус и начал сочинять комические, сатирические и пародийные диалоги и трактаты. Исследователям не удалось установить время его смерти, но это произошло после 180 года.

На протяжении последующих веков отношение к сочинениям Лукиана колебалось. Исследователи сходятся во мнении, что его современники и преемники относились к Лукиану с большим уважением. Ранние христианские мыслители не слишком восхищались Лукианом, его сатирической и языческой (у них это было ругательством) литературой. Однако ко времени Возрождения он вновь завоевал благосклонность ученых людей. Итальянские гуманисты перевели его сочинения с греческого на латынь, затем последовали переводы на другие европейские языки. На русский фрагменты Лукиана впервые перевел М.В. Ломоносов.

Многочисленные сочинения Лукиана, дошедшие до нас во многих списках и отрывках, разнообразны. Тут и юмор, и ядовитая сатира (в адрес разных философов и различных религиозных систем), и исследование серьезных философских вопросов морали и политики. А еще это фантастика, его «Правдивая история» — не только первое подробное повествование о

▲ Вымышленный портрет Лукиана. Художник Уильям Фэйторн, Англия, XVII в.

Лучшим способом отдохновения является такое чтение, которое не только доставит приятное развлечение.

путешествии на Луну, но и, возможно, самое странное. На лунной поверхности Лукиана, куда попадает рассказчик вместе с командой своего корабля благодаря сильному порыву ветра, мы встречаем причудливых зверей: трехголовых конекоршунов, на которых верхом ездят воины лунян, огромных блох, комаров и других гигантских насекомых. Создается впечатление, что Рабле вдохновлялся «Правдивой историей» во время рассказа о Гаргантюа в стране великанов.

Фантазия Лукиана отнюдь не ограничивается гигантоманией, он уделяет особое внимание инновационным методам воспроизводства, необходимым в стране, лишенной женщин, которой является Луна. В одной части Луны младенцы появляются из распухших икр мужчин. У народа, известного как «древесники», существует другой способ: у человека отрезают правую половую железу, сажают ее в грунт, и из нее вырастает «огромное мясистое дерево», напоминающее символ Приапа, а из его плодов, огромных желудей, «вылупляются» люди.

Лунная интерлюдия — лишь один эпизод в большом перипатетическом произведении. Вернувшись на Землю, путешественники попадают на съедение

▲ Памятник Лукиану Самосатскому в немецком «Версале» — Нордкирхене, Германия. Находится он там, скорее всего, потому, что часть паркового комплекса украшалась в духе и стиле античного искусства, и среди иных статуй и скульптур стоит и памятник Лукиану. Примерно так, как у нас в Пушкине, рядом с Екатерининским дворцом, расположена целая галерея бюстов великих греков и римлян

Философы презирают всех людей, о богатых толкуют самым неприличным образом и окружают себя молодежью, легко поддающейся обману.

к огромному киту и живут в его брюхе два года; они посещают острова, на которых молоко течет, как вода; видят народы, живущие на поверхности океана, опираясь на ноги, сделанные из пробки вместо плоти; побывают со знаменитыми мертвецами — героями Троянской и других войн — на острове блаженных. Фантазия Лукиана кажется безграничной.

Для читателей II века путешествие на Луну было фантастическим, особенно если прибавить столь забавный бестиарий, включенный в повествование, поэтому история явно не «правдивая». Название книги провоцирует читателя и отсылает к парадоксу древнегреческого философа VII века до н. э. Эпименида Критянина. Он сформулировал, что «все критяне лжецы», следовательно, если он говорит правду, то он лжет, но если он лжет, то он говорит правду. Так что, когда Лукиан называет свою фантастическую историю (которая высмеивает лжецов) «Правдивой историей», он ссылается на один из ключевых парадоксов философии.

В прологе Лукиан исследует проблему авторитета повествования — ключевую проблему для литературной критики XX века. С очевидной ссылкой на Эпименида, Лукиан провозглашает: «Одно я скажу правдиво: я буду писать лживо. Это мое признание должно, по-моему, снять с меня обвинение, тяготеющее над другими, раз я сам признаю, что ни о чем не буду говорить правду». Поскольку его текст разворачивается на фоне парадокса, Лукиан мешает читателю обрести какую-либо точку опоры, с которой можно объективно судить об истинности ценности повествования. Его утверждение напоминает эпосы Гомера и «Историю» Геродота, а также диалоги Платона. Он также предвосхищает невозможность клятвы Руссо в честности в начале его «Исповеди» столетия спустя; парадокс Эпименида применим почти к любому художественному произведению, которое претендует на то, чтобы излагать правду.

«Правдивая история» высмеивает философские школы, обманутые их собственной некритической самонадеянностью, когда дело доходит до утверждения и оценки истины. В том, как Лукиан раскрывает способ растворения литературно-критических терминов друг в друге, его сатира имеет много общего с постмодернистским мировоззрением, потому что художественная литература говорит «правду», но она объявляет себя «выдуманной»; и наоборот, «история» считается «истинной», но также имеет тенденцию быть «выдуманной», потому что авторитет автора всегда ставится под сомнение, как и надежность любого ис-

точника. Эти вопросы — прямой путь к Ницше и его французским последователям.

Лукиан делает проблему еще более актуальной, вставляя в вымышленное повествование утверждения, которые не противоречат реальности. Включение научных фактов и правдоподобных интерпретаций физических явлений во многом способствует установлению такого рода правдоподобия, которое придает любому вымыслу убедительность. Но оно может убедить читателя в том, что граница между правдой и вымыслом в лучшем случае размыта. Например, упоминание Лукианом Венеры, или «утренней звезды», как места битвы между Луной и Солнцем соответствует современным ему греческим знаниям о затмении Венеры Луной и о прохождении Венеры через Солнце.

Наиболее вероятным источником некоторых правдоподобных аспектов работы Лукиана является труд Плутарха «О лике, видимом на диске Луны». Трактат Плутарха — сборник представлений о лунной поверхности и фазах Луны во времена Плутарха. Знакомство с этим сочинением полезно для понимания текстов Лукиана потому, что Плутарх предлагает взгляд на Луну как на подобие Земли во многих отношениях, тем самым придавая достоверность описаниям Луны в «Правдивой истории» как обитаемого мира.

Мы натолкнулись на удивительный род виноградных лоз: начиная от земли ствол был свеж и толст, выше же он превращался в женщин.

Лукиан также использует сатиру, чтобы высмеять псевдонауку и суеверия, особенно когда он пишет: «Каждый из рассказов содержит тонкий намек на одного из древних поэтов, историков и философов, написавших так много необычайного». Хотя поэты, такие как Гомер, и историки, такие как Геродот, также страдают от сатирической плети Лукиана, но всерьез он нападает лишь на философов. Лукиан критикует лицемерие тех, кто возводит себя в ранг арбитров истины и лжи, в то же время прибегая к «фикциям» — например, к аллегориям пещеры Платона. Он пишет: «Я не ставлю всем этим рассказчикам вымыслы в особую вину, потому что мне приходилось видеть, как сочинительством занимаются также люди, посвящающие свое время, как они говорят, только философии».

«Правдивая история» высмеивает, а местами пародирует Гомера (Лукиан отправляет Одиссея на Луну), Геродота, Ксенофонта, Фукидида и других авторов, чьи произведения были утеряны, таких как Ямбул.

Парусник Лукиана отнюдь не космический корабль. Его искатели приключений не собираются лететь на Луну, и цель автора не в том, чтобы сделать такое

Люди распределились на школы, придумали самые разнообразные лабиринты рассуждений и называют себя стойками, академиками, эпикурейцами, перипатетиками и другими еще более забавными именами.

путешествие правдоподобным или размышлять о том, что мы могли бы обнаружить на естественном спутнике Земли, если бы действительно смогли совершить такое путешествие. Но, как считают многие историки фантастики, парусный корабль не так уж сильно отличается от воздушного шара Эдгара Аллана По или пушечного снаряда Жюль Верна, и эту историю, вероятно, читали (или слушали) в основном из-за ее приключений и изобретательности рассказчика.

И наконец, способ, которым Лукиан заканчивает свою «Правдивую историю», также является издевкой над философами, поскольку Лукиан обещает то, что он не может и не имеет никакого намерения выполнить, — полноту или завершение. Лукиан дразнит читателя заключительной строкой второй части книги: «Что же касается моих приключений на материке, то о них я поведаю в следующих книгах». Напоминает знаменитый слоган «продолжение следует», однако комментаторы Лукиана указывают: «Это самая большая ложь из всех». Общепринятая точка зрения такова — автор не намеревался заканчивать «Правдивую историю». Говоря языком современного Интернета, Лукиан «потроллил» своих читателей.

Следующая работа Лукиана, озаглавленная «Икароменипп, или Заоблачный полет», также включает путешествие на Луну, хотя, в отличие от «Правдивой истории», это более явная сатира. «Икароменипп» представляет собой диалог между Мениппом и его другом, в котором первый рассказывает, как он прикрепил орлиное крыло к правой руке и крыло коршуна к левой и использовал их, чтобы взлететь в небеса (на манер легендарных Дедала и Икара; отсюда и название).

Диалог начинается с представления Мениппа, недовольного уровнем своих знаний: «Наиболее непонятным и загадочным представлялось мне все, что касалось Луны, многообразие ее видоизменений, казалось мне, вызывается какою-то тайною причиной». Поэтому он решает обратиться к философам «Я выбрал среди них лучших — если свидетелями достоинства считать угрюмое лицо, бледный цвет кожи и густую бороду, — и действительно, на первый взгляд они показались мне людьми красноречивыми и знакомыми с небесными явлениями». Однако ответы, которое они дали, — не более чем вымысел, «не будучи в состоянии ответить даже на такой простой вопрос, какое расстояние от Мегар до Афин, они точно знают,

каково расстояние между Луною и Солнцем». Поэтому Менипп, разочарованный противоречивыми спорами земных философов, каждый из которых претендует на непогрешимость и знание истины, решает спросить Зевса на небесах о реальном положении дел. Сначала он взлетает на Луну, где получает великолепный наблюдательный пункт, с которого может обозревать Землю. Затем он пролетает мимо Солнца и поднимается к самому небу, чтобы посоветоваться с Зевсом.

Сочетание философских рассуждений и сатиры стало жанром, который позже получил название «мениппова сатира». Как и в «Правдивой истории», философы несут основную тяжесть сатирического остроумия Лукиана, и диалог достигает своего апогея, когда Зевс клянется Мениппу, что «все философы вместе с их диалектикой будут истреблены».

В «Икаромениппе» внимание Мениппа привлекают мелкие слабости человечества: скрытые мотивы и тайное лицемерие, неразличимые на Земле, которые можно обнаружить с наблюдательного пункта на Луне. Более того, цари так же греховны и подвержены разврату, как и простые люди — ни один класс людей не является образцом морального поведения. На протяжении всей истории западной литературы многие писатели будут использовать устройство путешествия на Луну или другую планету, чтобы получить перспективу, с которой можно оглянуться назад на Землю и высмеять ее гордых обитателей. Однако Лукиан был первым, кто это сделал.

С Луны Менипп видит мир как маленький и хрупкий объект, на поверхности которого войны и империи кажутся абсурдными: «Бросил я взгляд и на Пелопоннес и, заметив Кинурию, вспомнил, как много аргивян и лакедемонян пало в однодневной битве за обладание клочком земли размером не более зерна египетской чечевицы». Лукиан выразил чувство, которое испытывал почти каждый человек, которому посчастливилось побывать в космосе и посмотреть на Землю, — глубокое и почти религиозное чувство хрупкости нашей планеты, нашей «бледно-голубой точки», как назвал ее Карл Саган, и глупость конфликтов между странами, разделенными произвольными линиями, нарисованными на картах. Как говорит Менипп, «я смеялся над теми, которые спорят о границах своих владений и гордятся тем, что обрабатывают равнину Сикиона, владеют землей у Марафона, в соседстве с Эной, и обладают тысячью плефров в Ахарнах».

Чтобы добиться успеха, сатира должна преподавать какой-то нравственный урок, преследовать какую-то дидактическую цель. Откровения о путешествиях Лукиана на Луну кажутся довольно простыми, однако древний автор говорит нам, что мы не должны воспринимать все слишком серьезно, особенно когда речь заходит о философии.